Инга Корнева

Неудобная близость

18+

Мила Корнева
Неудобная близость

https://litres.ru/74750762
SelfPub; 2026

Аннотация

Маша умеет любить остро и ранить ещё острее.

Алекс умеет любить тихо и оставаться даже тогда, когда его отталкивают.

Они встречаются в Москве — успешный архитектор и дерзкая дизайнер интерьеров. Между ними сразу вспыхивает сильная химия, потом начинается настоящее чувство, а потом Маша делает то, что всегда делает, когда ей становится слишком хорошо: отталкивает. Жёстко. Точно. Почти уничтожая.

А потом жалеет.

А он уже не может доверять как раньше.

Роман о том, как страх близости разрушает то, что мы больше всего хотим сохранить. О тёплом юморе, бешеной физической тяге и о том, можно ли вернуться после того, как сам всё сломал.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 9
Глава 3 14
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Мила Корнева
Неудобная близость

Глава 1

Глава 1. Алекс

Серый октябрьский свет медленно заполнял комнату, будто не желая тревожить тишину, которая давно поселилась в этой квартире и стала почти её вторым хозяином. Алекс лежал неподвижно, глядя в высокий белый потолок, и слушал, как за стеной, в соседней квартире, кто-то осторожно открывает кран. Вода зашуршала тонкой нитью, потом стала гуще, и этот простой, почти интимный звук чужой утренней жизни показался ему вдруг странно далёким, словно доносился не из-за стены, а из другой реальности, в которую ему уже давно не было хода.

Ему исполнилось тридцать пять в конце августа, и с тех пор он иногда ловил себя на том, что рассматривает собственное отражение чуть дольше обычного — не из тщеславия, а скорее с тихим, чуть усталым любопытством. Высокий, с широкими, но не тяжёлыми плечами, он сохранял сухую, подтянутую фигуру человека, который привык много ходить и мало говорить о себе. Тёмные волосы, коротко и небрежно стриженные, уже серебрились на висках тонкой,

почти элегантной сединой. Лицо было умным и чуть усталым: высокие скулы, прямой нос с едва заметной горбинкой, светло-карие глаза, глубоко посаженные и оттого всегда казавшиеся немного печальными, даже когда он улыбался. А улыбался он редко, но когда это случалось, на левой щеке появлялась тонкая, неожиданно мальчишеская морщинка, которая смягчала всю серьёзность его облика.

Он медленно сел, спустил ноги на прохладный паркет и несколько секунд просто сидел, позволяя телу привыкнуть к вертикали. Потом встал и прошёл на кухню босиком, чувствуя, как дерево слегка пружинит под ступнями. Квартира в Хамовниках была большой, светлой и почти пустой. Когда три года назад он делал ремонт, дизайнер rec говорил о «дышащем пространстве» и «архитектуре тишины». Алекс тогда только кивал. Теперь, глядя на белые стены, на длинный тёмный стол у окна, на низкий диван цвета мокрого песка, он иногда думал, что пространство действительно дышит — только дышит оно в пустоту, и этот звук становится особенно отчётливым по утрам.

Вода в чайнике зашумела быстро, как всегда. Пока она закипала, он стоял у высокого окна и смотрел вниз, во двор, где дворник в оранжевом жилете медленно сгребал мокрые листья в кучу, а две женщины с маленькими собаками разговаривали слишком оживлённо для такого раннего часа. Небо было низким и тяжёлым, обещало затяжной дождь. Алекс любил такие утра — они не требовали от него радости и не

упрекали за её отсутствие.

В душе он задержался дольше, чем планировал. Горячая вода стекала по шее, по груди, по плоскому животу, и он закрыл глаза, позволяя себе на несколько мгновений просто существовать внутри этого тепла. Тело оставалось сильным, послушным, почти молодым, но под кожей уже жила усталость другого рода — не мышечная, а какая-то глубинная, накопленная за годы, когда он слишком часто выбирал быть удобным. Он провёл ладонью по груди и коротко, почти раздражённо, подумал о том, что давно уже никто не касался его просто так, без причины и без продолжения. Мысль была неприятной. Он оборвал её, выключил воду и стал вытираться жёстким полотенцем.

Завтрак был скуп и привычен: одно яйцо всмятку, поджаренный тост, чёрный кофе без сахара. За длинным столом у окна он открыл ноутбук и принялся просматривать почту. Сегодня в одиннадцать предстояло важное совещание по новому дому в Подмосковье — большому, сложному, с заказчиками, которые имели много денег и ещё больше противоречивых желаний. Алекс умел работать с такими людьми. Он научился быть спокойным даже тогда, когда внутри всё сжималось от чужой истерики. Коллеги иногда в шутку говорили, что у него вместо нервной системы — идеально выверенный чертёж. Он улыбался и не спорил.

В бюро его встретили кивками и короткими приветствиями. Он прошёл в свой кабинет, повесил тёмно-серое паль-

то, сел за стол и несколько минут просто смотрел на разложенные перед ним планы. На совещании говорил мало, но каждое его слово ложилось точно. Когда молодой архитектор начал повышать голос, споря с конструктором, Алекс тихо, почти мягко вмешался:

— Давайте сначала решим, что для дома важнее — ваш жест или то, чтобы крыша не протекала через два года.

Все замолчали. Напряжение схлынуло. Он снова оказался тем, кто гасит пожар, даже не повышая голоса.

После обеда, оставшись в кабинете один, Алекс долго смотрел на план будущего дома и вдруг поймал себя на том, что уже третий раз за неделю думает о Насте. Не о ссорах, не о последних месяцах, когда всё уже трещало, а о той фразе, которую она сказала почти спокойно, собирая свои вещи:

«С тобой очень спокойно, Алекс. Но рядом с тобой я начинаю чувствовать себя плохой. Как будто мне нельзя быть настоящей».

Тогда он не нашёлся, что ответить. Просто стоял и смотрел, как она складывает в сумку свои свитера. Сейчас, три года спустя, он понимал эти слова слишком хорошо — и всё равно не знал, что с ними делать.

Ближе к семи вечеру зазвонил телефон. Кирилл, его самый близкий друг ещё с института, говорил быстро и чуть насмешливо:

— Ты обещал зайти на этот просмотр. Не смей отказываться. Там будет нормальный виски и почти никаких архи-

текторов.

Алекс хотел сказать «нет». Хотел остаться в своей тихой квартире, где никто не ждал от него улыбок и разговоров. Но мысль о том, чтобы снова провести вечер наедине с собственным отражением в тёмных окнах, показалась вдруг невыносимо тяжёлой. Он согласился.

Перед выходом он поймал себя на странном, почти подростковом жесте — слишком долго выбирал рубашку, потом отложил её и взял другую, более светлую. В лифте, глядя на своё отражение в матовой стали, он вдруг тихо, без злости, произнёс вслух:

— Опять будешь удобным.

И сам себе улыбнулся этой тонкой, чуть горькой улыбкой, от которой на щеке появилась знакомая морщинка.

Вечер только начинался.

Глава 2

Глава 2. Маша

Утро ворвалось в комнату резко, без всякой нежности, будто кто-то сдёрнул с окна плотную штору одним движением. Маша открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, глядя в высокий потолок своей квартиры на Патриарших, где свет уже разливался холодными прямоугольниками по белым стенам. Она не любила просыпаться медленно. Медленные утра оставляли слишком много пространства для мыслей, а мысли в последнее время становились опасными — цепкими, липкими, способными утащить куда-то, откуда потом трудно вернуться.

Ей было тридцать два. Среднего роста, тонкая, с длинными сильными ногами и прямой, почти вызывающе ровной спиной, она двигалась быстро и точно, как человек, который давно привык не тратить лишних жестов. Тёмные волосы, густые и тяжёлые, обычно были собраны в низкий пучок или свободно падали до лопаток, подчёркивая острые скулы и чёткую линию подбородка. Глаза — серо-зелёные, очень светлые на фоне смуглой кожи — смотрели прямо и чуть насмешливо, даже когда она молчала. Рот был красивый, но жёсткий: полные губы с чётко очерченным контуром, которые легко складывались либо в быструю, обезоруживающую улыбку, либо в тонкую презрительную складку.

Когда она входила в комнату, люди почти всегда сначала замечали именно глаза и уже потом — всё остальное.

Она села на краю кровати, провела ладонями по лицу и коротко, сквозь зубы, выдохнула. Потом встала и пошла в ванную, босиком ступая по тёплому полу с подогревом. Квартира была её гордостью и одновременно тихим упрёком. Она сама её проектировала: светлые стены, дорогой текстиль приглушённых оттенков, мебель с идеальными пропорциями, ни одной случайной вещи. Здесь всё подчинялось её воле. И иногда, особенно по утрам, это совершенство начинало её раздражать — слишком правильное, слишком законченное, слишком похожее на витрину, в которой забыли оставить место для живого беспорядка.

Под контрастным душем она стояла долго, позволяя холодной воде сменять горячую и обратно. Кожа покрывалась мурашками, дыхание сбивалось, и в эти секунды голова наконец становилась пустой. Вытираясь, она поймала своё отражение в большом зеркале и задержалась. Глаза сегодня казались особенно светлыми, почти прозрачными. Она наклонила голову, critically осмотрела себя и тихо, с сухой иронией произнесла:

— Ну здравствуй, контрольная версия.

Улыбка вышла короткой и чуть презрительной — к себе самой.

На кухне она сварила очень крепкий кофе, выпила его почти залпом, стоя у окна, и только потом села за стол. Завтрак

ограничился половиной грейпфрута и вторым кофе. Пока ела, быстро просматривала рабочую почту. Два новых запроса, одно раздражённое письмо от клиента, который уже третий раз менял концепцию, и напоминание о вечернем закрытом просмотре нового пространства в центре. Она сначала хотела проигнорировать это напоминание, но потом, против обыкновения, поставила галочку. Сама не сразу поняла, зачем.

В студии она появилась первой, как любила. Большое светлое помещение на верхнем этаже ещё хранило утреннюю тишину. Маша прошлась между столами, включила основной свет, провела пальцами по образцам тканей, разложенным на длинной консоли. Здесь, среди фактур, цветов и чертежей, она чувствовала себя уверенно. Пространство подчинялось. Люди, если с ними правильно разговаривать, тоже подчинялись. Это знание грело её куда сильнее, чем любой кофе.

Первая встреча прошла напряжённо. Супруги, владельцы большой квартиры на Остоженке, уже в четвёртый раз приходили «просто уточнить ощущения». Мужчина говорил много и сбивчиво, женщина молчаливо страдала в кресле. Маша слушала, кивала, задавала точные, почти хирургические вопросы и внутри считала до десяти, чтобы не сказать вслух то, что действительно думала. Когда мужчина в очередной раз произнёс сакраментальное «нам нужно почувствовать пространство», она улыбнулась своей самой обая-

тельной улыбкой и мягко ответила:

— Пространство уже всё почувствовало. Теперь оно хочет, чтобы вы наконец приняли решение.

Клиенты рассмеялись. Напряжение спало. Маша проводила их до двери, закрыла её и, вернувшись в кабинет, тихо, сквозь зубы, выругалась. Потом села, открыла ноутбук и написала подруге Ире:

«Если я ещё раз услышу про почувствовать пространство, я кого-нибудь ударю этим самым пространством».

Ответ пришёл мгновенно: смеющиеся смайлы и короткое «Вечером пьём. Не отпирайся».

Маша усмехнулась. Ира была одним из немногих людей, рядом с которыми можно было не держать спину прямо двадцать четыре часа в сутки.

Весь оставшийся день она работала быстро, почти жёстко, переключаясь между проектами. Но где-то под рёбрами сидел странный, необъяснимый гул — будто тело заранее знало что-то, о чём голова ещё не подозревала. К вечеру, собираясь на просмотр, она долго стояла перед зеркалом, поправляя волосы и раз за разом поправляя вырез тонкого чёрного свитера. В какой-то момент поймала собственный взгляд и тихо, почти удивлённо произнесла:

— Ты чего сегодня такая нарядная, а?

Зеркало, разумеется, промолчало.

В такси она сидела, глядя на мокрые московские улицы, и думала о мужчинах. О тех, кто начинал ей нравиться слиш-

ком сильно. О том, как в какой-то момент их тепло становилось тяжёлым, их внимание — давящим, а их мягкость — почти оскорбительной. Она не гордилась этим своим свойством. Но и менять его не собиралась. Лучше оттолкнуть первой, чем потом остаться с ощущением, что тебя медленно, заботливо разбирают на части.

«Только не спокойный», — вдруг чётко подумала она, глядя на огни фонарей. — «Только не этот тип, который смотрит слишком внимательно и молчит слишком умно».

Машина остановилась у высокого стеклянного входа. Маша глубоко вдохнула, поправила сумку на плече и вышла в холодный октябрьский воздух, уже заранее нацепив на лицо свою обычную, чуть насмешливую полуулыбку.

Вечер только начинался.

Глава 3

Глава 3. Встреча

Пространство встретило их запахом свежей краски, нового дерева и лёгкой, почти неуловимой пыли, которая всегда остаётся после ремонта, сколько ни пылесось. Высокие потолки терялись в полумраке, свет был приглушённым, дорогим, специально настроенным так, чтобы люди выглядели лучше, чем есть, а разговоры звучали тише и значительнее. Стеклянные поверхности отражали бокалы, лица, обрывки жестов. Всё здесь было сделано правильно. И именно эта правильность чуть раздражала.

Алекс пришёл раньше, чем планировал, и сразу пожалел об этом. Кирилл задерживался, а стоять в одиночестве посреди наполняющегося зала было странно и немного стыдно — будто ты пришёл слишком рано на собственную жизнь. Он медленно прошёл вдоль длинной стены с чертежами, остановился у большого листа с разрезами будущего здания и сделал вид, что внимательно изучает линии. На самом деле он просто ждал, пока воздух вокруг станет чуть менее чужим.

Маша вошла несколькими минутами позже. Она всегда входила так — быстро, точно, сразу считывая комнату целиком: кто здесь главный, кто хочет казаться главным, кто просто пришёл попить за чужой счёт. Чёрный свитер обтягивал

тонкие плечи, волосы были свободно распущены и чуть волнились от сырости улицы. Она остановилась у входа, медленно стянула перчатки и коротким, почти незаметным движением поправила прядь за ухо. В этот момент Алекс случайно поднял глаза.

Их взгляды встретились.

На одну короткую, странно плотную секунду оба замерли.

Алекс подумал: «Острая». Не «красивая» и не «интересная» — именно острая. Будто в комнату внесли лезвие и оставили его на виду. Ему вдруг захотелось отвести взгляд, но он не отвёл.

Маша подумала: «Слишком спокойный». И сразу, почти сердито, добавила про себя: «Только не этот тип. Только не сейчас». Внутри у неё уже напряглось что-то тонкое и настороженное, как струна.

Их представили друг другу почти случайно — через общих знакомых, через короткие кивки и обрывки фраз. Имена прозвучали и сразу растворились в общем шуме. Рукопожатие получилось коротким. Её ладонь оказалась сухой, крепкой, с тонкими пальцами. Его — тёплой и чуть более широкой, чем она ожидала. Оба отпустили руки быстрее, чем требовала вежливость.

— Вам нравится это пространство? — спросила Маша первой, кивнув на высокие окна и сложную геометрию потолка. Голос у неё был низковатый, чуть хрипловатый после улицы.

Алекс посмотрел на стены, потом снова на неё. Он отметил, как она держит голову — чуть запрокинув, будто всегда готова к удару или к нападению.

— Нравится, как идея. Но здесь слишком много старания быть идеальным. Иногда от этого становится тесно.

Он сказал это спокойно, без желания произвести впечатление. Просто как думал. И только после того, как слова уже прозвучали, понял, что сказал больше, чем планировал. Обычно он не позволял себе таких замечаний при первом разговоре. Обычно он был осторожнее.

Маша подняла брови. Внутри у неё коротко щёлкнуло: он не стал хвалить. Не стал говорить безопасные слова. И это вдруг оказалось приятным до странности. Ей захотелось уколоть его в ответ — просто чтобы проверить, останется ли он таким же ровным.

— То есть вы любите, когда пространство немного сопротивляется? — спросила она, и в голосе уже слышалась лёгкая, почти игривая провокация.

— Люблю, когда оно не притворяется, — ответил Алекс и чуть улыбнулся. Та самая тонкая морщинка появилась на щеке. — А вы?

Улыбка его была сдержанной, почти осторожной, но настоящей. Маша это увидела и почувствовала, как внутри что-то неприятно дрогнуло. Она не любила, когда мужчины улыбались так — без попытки очаровать, просто потому что им вдруг стало тепло. Такие улыбки были опасны. Они тре-

бовали ответа, которого она не хотела давать.

Она сделала маленький глоток вина, которое успела взять с подноса, и задержала бокал у губ дольше, чем нужно. Хотела сказать что-то лёгкое, отстранённое. Вместо этого сказала правду.

— Я люблю, когда пространство меня слушается. А если сопротивляется… я обычно побеждаю.

Фраза вышла резче, чем она планировала. Она это почувствовала сразу — по тому, как чуть изменилось выражение его глаз. Не обиделось. Скорее заинтересовалось. И это раздражало сильнее, чем если бы он нахмурился. Ей захотелось добавить что-то ещё более жёсткое, но она вовремя прикусила язык.

Они ещё несколько минут говорили о проекте, о материалах, о том, как трудно работать с заказчиками, которые хотят «и чтобы вау, и чтобы как дома». Разговор получался лёгким, почти профессиональным, но под ним уже тянулась другая, более плотная нить. Оба это чувствовали. Оба делали вид, что не чувствуют.

В какой-то момент их ненадолго растащили в разные стороны. Маша разговаривала с клиентом, смеялась своей быстрой, чуть опасной улыбкой, но краем глаза следила, где стоит высокий мужчина в светлой рубашке. Она злилась на себя за это. Следить было глупо. Следить уже означало, что он занял в её внимании больше места, чем следовало.

Алекс слушал Кирилла, кивал, даже вставлял какие-то

слова, а сам ловил себя на том, что ищет в толпе тёмные волосы и прямой силуэт. Каждый раз, когда находил, внутри становилось тихо и немного тяжело. Он думал: «Уйди. Просто развернись и уйди, пока ещё можно». Но оставался.

Они снова оказались рядом у барной стойки почти час спустя. Случайно. Или не совсем.

— Вы всё ещё думаете, что здесь слишком идеально? — спросила Маша, беря второй бокал. Она произнесла это нарочито легко, но внутри уже ждала его ответа с напряжением, которого сама себе не прощала.

Алекс посмотрел на неё чуть дольше, чем позволял простой разговор. В голове у него мелькнуло: «Она защищается. Даже сейчас». И почему-то это не оттолкнуло, а наоборот — притянуло ещё сильнее.

— Думаю, что идеальность иногда бывает формой защиты, — сказал он тихо. — От настоящего.

Маша замерла с бокалом наполовину поднятым. Внутри у неё что-то резко сжалось — то ли от точности фразы, то ли от того, как спокойно он её произнёс. Она почувствовала внезапный, почти детский испуг. Будто он вдруг увидел её насквозь, хотя они едва были знакомы. Хотелось резко оборвать разговор, сказать что-то колкое и уйти. Вместо этого она медленно донесла вино до губ, сделала глоток и только потом ответила, уже с привычной колкой улыбкой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.